

Следуя «Моей исповеди» Карамзина, Измайлов в «Летучих листочках» ставит проблему влияния на личность «светского» общества, а главным предметом психологического анализа делает отрицательного героя. Измайлов, как и Карамзин в «Моей исповеди», ставит задачу разобраться в психологии отрицательного персонажа.

В основе повести лежит оригинальный сюжет о том, как некая светская дама Елена пытается выгодно выйти замуж. При этом она использует всяческие уловки и, когда ей не удастся «заполучить» нужную ей кандидатуру, вынуждена довольствоваться мало интересным для нее и сторонящимся «света» Датуровым. Неожиданно для героини, которая считала, что выходит замуж за недалекого человека, которым можно будет руководить и вести светский образ жизни, муж оказывается умным, сильным и безупречно честным человеком. Основная сюжетная коллизия повести — идейное противостояние Елены и Датурова, т. е. противостояние нравственных принципов «чувствительного» героя цинизму его антипода — герою «света». Герой «света» (Елена) разоблачен, но при этом перевоспитать его не удастся, он остается прежним «отрицательным» героем.

Если общая идея образа «отрицательного» героя (герой понимает пошлость «света»), но принимает его законы и живет в согласии с ними) заимствована у Карамзина, то сам характер как «отрицательного» персонажа, так и его антипода — «чувствительного» явно ориентированы, на наш взгляд, на ричардсоновские характеры Ловласа и Грандисона. Такая ориентация неоднократно подчеркивается автором на протяжении всей повести — Елена читает романы Ричардсона, высказывает свое мнение по поводу их главных героев. Измайлов использует выработанный писателями-сентименталистами (Н. Ф. Эмин, Н. М. Карамзин) и ставший «общим» местом для поэтики сентиментальной прозы прием характеристики мировоззрения героя кругом чтения или вводит для той же цели рассуждения своих персонажей о любимых ими книжных героях.⁵ Исследователь М. В. Иванов видит за этим художественным приемом еще и «стремление подключить свое произведение к образцу»,⁶ что, по его мнению, является характерной особенностью как европейского, так и русского сентиментализма. Он исходит из выдвинутого им положения о нормативности эстетики «карамзинистов» в отличие от эстетики самого Карамзина. Нормативность же предполагает некий эстетический канон, а «подключение» — способ подчеркнуть принадлежность произведения этому канону.

Исследователь указывает на разные варианты такого «подключения»: «подключение» через название произведения («Российская Памела», «Российский Вертер» и т. д.); указания самих авторов на свою зависимость от образцов в предисловиях; называние своих героев именами героев известных произведений; чтение главными героями знаменитых произ-

⁵ Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 121–143.

⁶ Иванов М. В. Поэтика русской сентиментальной прозы // Русская литература. 1975. № 1. С. 115–121.